

Александр Асмолов

Острова сампагита

электронная книга

Александр Георгиевич Асмолов
Острова сампагита (сборник)
Серия «Сборники рассказов
Александра Асмолова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3935225
Острова сампагита: Спорт и Культура – 2000; М.: 2011
ISBN 978-5-91775-062-0

Аннотация

Сборник рассказов, притчей и поэтических строк о Филиппинах, написанных с перерывом в пятнадцать лет. Начав знакомство со страной с рассказа о посещении хилера, вам откроются самые различные аспекты этой удивительной страны, раскинувшейся на 7107 островах во время отлива. Интересны наблюдения о различиях наших стран и удивительных совпадениях некоторых черт характеров. Каждый рассказ пронизан личными впечатлениями и переживаниями, которые будут интересны самому широкому кругу читателей.

Содержание

Предисловие	4
Острова сампагита	13
Хилер	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Асмолов

Острова сампагита

Предисловие

Идея создания этой книги родилась на приеме у губернатора Себу, когда в большом зале белоснежного дворца с колоннами под зажигательные ритмы барабанов ансамбль человек из тридцати в национальных костюмах отплясывал что-то настолько виртуозное, что многим было трудно усидеть на месте. Мелькали разноцветные юбки, невообразимые головные уборы, полуобнаженные гибкие тела, покрытые бусинками пота, а босые ступни беззвучно скользили по гладкому мраморному полу. Не было азартной дроби каблучков фламенко или выразительных жестов изящных длинных пальцев индийской танцовщицы, соблазнительного обнаженного живота восточной красавицы, так красноречиво вздрагивающей приоткрытыми бедрами, или дразнящего декольте разгоряченной смуглянки, отплясывающей цыганочку. В этом стремительном танце невысоких юрких фигурок было что-то иное. Словно тысячи небольших островов, сгрудившихся в западной части Тихого океана вокруг своего исторического центра в Себу, они роились вокруг чего-то значимого и незримого одновременно. У меня промелькнула

мысль, что это и есть душа Филиппин, рожденная водоворотом исторических событий, переплетенная множеством национальных корней, уходящих в далекое прошлое, уникальных уголков, потрясающих своей красотой, и людей с удивительно открытыми, по-детски наивными взглядами.

Именно тогда мне захотелось подробнее рассказать о необыкновенной стране, с которой связаны мои самые нежные воспоминания пятнадцатилетней давности. В 1995 году я впервые прилетел на Филиппины в надежде на чудесное исцеление в руках хилера. Спортивная травма вынуждала менять привычный образ жизни, да и душа моя металась. Летом того года я встретил удивительно светлого человека. В клубе карате, президентом которого я в то время был, появилась она. Став сначала любимой ученицей, очень скоро она стала просто любимой. У нас были свои семьи и обязательства, но вспыхнувшие чувства все изменили. Две недели в том далеком октябре стали началом моей новой жизни. Хилер по имени Руди поднял меня на ноги в прямом смысле этого слова, а в душе утвердилась уверенность, что я встретил свою половину. Переполнявшие меня чувства вылились в первые рассказы, где за неровными строчками скорее виделись глаза любимой женщины, чем мысль об увиденном, которую я пытался выразить.

Впрочем, один из рассказов о хилере, опубликованный позже в сети Интернет, отозвался странным образом. Несколько лет назад корреспондент первого канала предло-

жила мне принять участие в съемках фильма о филиппинских кудесниках, исцелявших недуги. От неожиданности я пытался отнекиваться, ссылаясь, что живу в Дубне, а не в столице, но съемочная группа приехала в наш небольшой городок.

Когда передачу о загадочных хилерах увидели миллионы зрителей первого канала страны, аккумулятор моего сотового телефона стал быстро разряжаться от многочисленных звонков абсолютно незнакомых людей. Забавное продолжение этой истории приключилось в Бельгии. Тогда я работал в известной торговой компании и по делам бывал в командировке в одном из старинных городов Европы – Генте. Както поздно вечером мы сидели с коллегой в небольшом ресторанчике на берегу канала, бывшего пару веков назад торговой артерией Бельгии, да и не только ее. Старое складское помещение было переделано в ресторан с бережным сохранением интерьера ушедшей эпохи. Уютный уголок со столиком на двоих и вид на огни засыпающего города располагали к беседе. Пользуясь случаем, мы, не стесняясь, расспрашивали друг друга о том, о чем никогда бы не стали говорить днем в офисе. Даже мой плохой английский не мешал беседе, плавно перешедшей на вечную тему. О женщинах. Наверное, я выпил лишнего, потому что стал рассказывать о том, как написал свои первые рассказы, которые для меня были скорее объяснением в любви, чем каким-то литературным опусом. Да и случилось все это на одном из Филиппин-

ских островов...

И тут звонит мой сотовый. Взволнованный женский голос по-русски просит ей помочь. А в Москве уже за полночь. Пытаюсь объяснить соотечественнице, что я не в России, и разговор ей дорого обойдется. Оказывается, она звонит из США, где только утро. Тесен мир! Несколько минут напряженно слушаю сбивчивый рассказ о больном ребенке. Моя собеседница испробовала все известные ей способы, но не может вылечить сынишку. Увидела передачу с моим участием о хилерах и вот отыскала по телефону. Какие неожиданные встречи иногда преподносит нам судьба!

Честно говоря, я так растрогался тогда, что слезы навернулись на глазах. Мой коллега понимающе притих, показывая жестом, чтобы я не волновался... Не помню, сколько мы проговорили тогда с взволнованной мамашей, но у меня начал жалобно попискивать сотовый телефон, сигналив о том, что аккумулятор на пределе. М-да, только наше сочувствие и сопереживание бывает так неисчерпаемо. Мучения неизвестного мне мальчика и тревога его матери стали так близки в тот вечер, что я долго не мог успокоиться. Вспомнились мои бессонные от боли ночи и грустные глаза людей, бравшихся помочь мне, но в итоге только разводивших руками. Впрочем, не все из них были искренни, и понимание этого только усиливало мои переживания. Последняя надежда, словно свет в темном длинном тоннеле, и у моей собеседницы из США, как и у меня когда-то, была связана с хилером. С тех

пор мы не виделись и не говорили с ней, но мне кажется, что просто еще не время. Мир удивительно логичен.

Это воспоминание почему-то промелькнуло в моей памяти на приеме у губернатора, когда стремительный танец под зажигательный ритм барабанов навевал мысль о душе Филиппин. Она тут, в Себу, в самом центре страны из семи тысяч ста семи островов. В отличие от нашей русской души, которая часто представляется широкой, необъятной и необузданной, непонятной иностранцам в своей расточительности и нерациональности, душа Филиппин мне показалась сконцентрированной, динамичной, эдакой мощной пружиной, накапливающей в себе силу. Наши страны абсолютно различны. Россия – с ее огромными просторами и бескрайними заснеженными пейзажами, извилистыми тропинками в бесконечных лесах, широкими зеркалами рек и озер, непостижимыми размерами и запасами всего, что только может быть на земле. Черпают, а оно все есть и есть, и до края дойти невозможно. На Филиппинах все иначе. Крохотный островок, убогие хижины, скопище едва одетых человечков и бесчисленные сказочные пляжи с пальмами над чистой водой. Скалы, пещеры, водопады, вулканы и острова не похожие друг на друга. У нас – колокольня затопленной церкви посередине Волги, а у них – миниатюрная часовенка на островке в десять метров диаметром и ступеньки, чтобы из воды можно было подняться к изображению святой Девы и помолиться. У нас ежегодно умирает более полумиллиона

русских от пьянства и переполненные детские дома, у них – многодетные семьи с минимальным достатком и удивительно трогательное отношение к детям. Мы все говорим на одном языке, но наша молодежь разделилась на «фа» и «антифа», «скинхедов» и «наших». У них более 160 языков и наречий, но около Семисот университетов, а старейший – «Святого Томаса» в Маниле отмечает свое 400-летие. Мы не можем определиться: Россия православная страна ли многоконфессиональная, а они гордятся, что Филиппины – единственная христианская страна в мусульманском мире. Мы очень разные и потому очень интересны друг другу.

Наверное, так может размышлять только русский, перепрыгивая из реальности в воспоминания, от личных переживаний к рассуждениям о судьбах мира. Но моя судьба удивительным образом переплелась с Филиппинами. Пятнадцать лет назад я попал в церковь, где на службе играл орган. Только позже узнал, что это единственный в мире орган из бамбука. У входа толпилось множество нарядно одетых прихожан, они искоса поглядывали на чужеземца, но не возмущались. Какое-то время я с любопытством, молча, наблюдал за происходящим. Вдруг мне показалось, что я слышу знакомый голос. Я тогда был безумно влюблен в свою избранницу, и мне часто мерещились всякие чудеса. Помню, как я стал медленно поворачиваться на голос и столкнулся с пронзительным взглядом. Большие карие глаза смотрели куда-то внутрь меня. Даже не помню, кто это был, мужчи-

на или женщина. Взгляд был пронизывающим, гипнотизирующим, обращенный внутрь меня. Голос спросил, зачем я здесь, чего хочу. Все было, как в тумане, но отчетливо помню свой ответ. Я очень хотел приехать сюда с ней. Глаза приблизились, и после некоторой паузы голос спокойно произнес: «Так, приезжай».

Прошло пятнадцать лет. Мы давно женаты, и даже не верится, что когда-то только мечтали об этом. Лу стала известным фотохудожником, а у меня вышло два десятка книг. Неожиданно пришло приглашение поучаствовать в культурной программе второго экономического форума Россия-Филиппины, действующего под лозунгом «Вперед вместе». Это был знак. Мы полетели вместе – Лу провела мастер-класс по натюрмортам для фотографов Филиппин, а я, как автор написанных когда-то рассказов о Филиппинах, вручил губернатору Себу – очаровательной Гарсия Лопес Гвенделин – один из своих романов, вышедший на английском, и те самые рассказы.

Идея – нам с Лу стать соавторами книги об удивительной стране, сыгравшей большую роль в нашей жизни, возникла неожиданно и сразу понравилась обоим. Мы еще не знали, как и что будем делать, но ощущение, что мы это сделаем, было сильным. Очевидно, глаза наши излучали какую-то уверенность, когда в разговоре с вице-консулом Арми, там же на приеме у губернатора, мы поделились с ней своими планами. Помню реакцию этой удивительно разносторонней

и энергичной женщины. Арми испытующе оглядела нас, переводя взгляд то на одного, то на другого, потом ее строгое лицо озарилось такой доброй улыбкой, что мы ответили тем же.

– Хорошая идея, ребята, – по-свойски непринужденно воскликнула она. – Было бы неплохо к рассказам пятнадцатилетней давности добавить современные. Для сравнения. Только вот беда...

Арми наморщила лоб, сделав страдальческое лицо.

– Мне придется сидеть ночами над учебником русского языка...

Ее подвижное лицо опять вспыхивает искренней улыбкой. Она умеет увлечь собеседников легкостью общения, даже каким-то азартом. Наверное, в детстве Арми была заводилой и не утратила с годами эту черту характера. Легкая на подъем, она тут же сообщает, что у них в Себу есть отличная типография, и книгу нужно непременно иллюстрировать хорошими фотографиями. Мы оба смотрим на Лу. Мой любимый фотохудожник растерянно кивает, боясь спугнуть едва родившуюся идею, которая сейчас подобна мотыльку, севшему на раскрытую ладонь. Одно неверное движение, и улетит.

– Мне очень понравились ваши работы, – Арми дружеским жестом касается плеча Лу. – Уверена, что все получится, потому что у вас зоркий взгляд. Как у охотника...

Мы растерянно улыбаемся, еще не веря, что так вот про-

сто можно решить волнующий нас вопрос. Но Арми уже шутит:

– В конце предлагаю сделать надпись. При съемках никто не пострадал... Но только на английском. Именно такой вице-консул нам и запомнилась. Деловая хватка, обаяние, юмор и неожиданность. Очень напоминает погоду на Филиппинах – яркое солнце, ливень, жара, тайфун, безмятежный штиль и удивительно ясное небо. Впрочем, солнца и тепла безмерно больше.

Теперь в нашем кабинете несколько любимых фотографий, сделанных Лу в Себу. Мимолетные встречи оставили в наших душах много искреннего тепла и приятных воспоминаний. Далекая страна в океане стала удивительно нам близка. Прошла снежная зима, и родилась эта книга. С удовольствием делимся с вами, дорогой читатель, своими наблюдениями и впечатлениями. Надеемся, что и вы не останетесь равнодушны, и в вашем сердце появится желание побывать хотя бы на одном из семи тысяч ста семи островов.

Острова сампагита

Давным-давно, когда еще не было ни одной живой души на Земле, а Создатель трудился над горами и долинами, подумалось Ему, что мир будет не столь красив, если кроме бескрайнего океана и огромных материков с высокими горами, за верхушки которых цепляются облака, не будет на Земле чего-нибудь особенного. Крошечного. Приглядел Создатель укромное местечко и встряхнул натруженные ладони, к которым прилипли песчинки и мелкие камушки. Так в океане появилась целая вереница бесчисленных островов. Большие, маленькие и совсем крошечные, но только двух похожих среди них не было. Очень понравились Создателю эти бусинки в океане, словно последний штрих к большому полотну у великого художника. Улыбнулся Творец в свою могучую седую бороду и легким движением руки заселил те острова всевозможными цветами, травами, деревьями, птицами и зверушками, а в окрестных водах появилось великое множество морских обитателей. И все были равны меж собой, потому что у каждого была своя душа. Пусть крохотная, но все понимающая и способная творить добро. Залюбовался Великий Зодчий на свою работу и хотел было назвать это укромное местечко райским уголком, да решил оставить название за людьми, которые рано или поздно придут сюда. А чтобы не открылось это место всякому встречному, послал

Господь тайфуны и смерчи охранять острова в океане.

Прошло немало времени с тех пор. Отважные мореплаватели на бамбуковых плотках и тростниковых лодках умело обходили коварные рифы, огромные волны и проливные дожди. Избегая опасности, они начали появляться в маленьких бухточках и на песчаных пляжах, которые охраняли высоченные пальмы. Впрочем, падающие с высоты кокосовые орехи не напугали пришельцев. Здесь было все, чтобы наслаждаться жизнью, и умолчать об этом никто не мог.

Легенды и песни о самом красивом уголке мира стали распространяться среди народов, живущих за многие месяцы пути от островов в океане. Все мечтали побывать там, но лишь сильным и смелым удавалось ступить на песчаные пляжи, что белее белой мякоти кокосового ореха. Первые поселенцы жили порознь, поскольку приплывали из разных стран и говорили на разных языках, благо островов было много. По старым обычаям своих народов они называли себя манобо, талагами, батаками, миндаёя и прочая. И всяк старался возвыситься над другими, доказывая свои права не только на остров, где жил, но и на весь архипелаг. Ночи напролет они спорили у больших костров, выражая свои мысли и чувства в танце, ибо никто не понимал язык соседа.

Шли годы, дети их детей уже называли острова в океане своей Родиной, а споры у ночных костров не затихали. Они даже не смогли выбрать имя для райского уголка, где песок на пляжах белее белой мякоти кокосового ореха. Каждый го-

ворил о себе – «я с островов», но это только запутывало их, однако никто не хотел уступать.

Однажды, в теплую ясную ночь, когда полная луна залила серебром уснувшее море, в племени агта родилась девочка, которую называли Ита, а на соседнем острове, где жило племя аэта, родился мальчик, которого нарекли Эт. Очень скоро все стали замечать, что дети росли необычными. Они были не только очень красивыми и умными, они могли вселять любовь окружающим. Стоило кому-то повздорить, как Иту или Эту приводили в дом к спорщикам, и те тут же мирились и обнимались. Наступило счастливое мирное время, и никто не заметил, как Ита стала невестой, прекрасной, как утренний рассвет, а Эт просто покорила сердца всех девушек своего острова. Вожди обоих племен решили воспользоваться необычными способностями девушки и юноши, когда загорятся ночные костры на общем сборе.

Стоило красавцу Эту сделать несколько па на поляне споров, как языки пламени и сердца всех девушек у костра зашлись в пылком танце. Движения юноши были так красноречивы, а жесты столь выразительны, что сердце юной Иты замерло от восторга первой любви. Когда же пришел черед ее танца, поляна и лица зрителей вокруг озарились невиданным ранее светом. Эт был покорила красотой и нежностью Иты. Их души устремились навстречу друг другу, а сладостная эйфория наполнила тела. Это состояние по-разному звучит на разных языках, но танец не требует перевода. В ту

ночь костры горели до утра, и все собравшиеся не могли глаз оторвать от танцующей пары влюбленных. Станным образом быстро решились все спорные вопросы, и оба племени начали готовиться к свадьбе. Только Иту и Эта разлучили, ибо, согласно местным обычаям, они не должны были видеть друг друга до определенного ритуала.

По архипелагу разлетелась весть не только о брачном договоре, но и о предстоящем объединении двух больших народов. Некоторым это показалось опасным, так как нарушало установившееся равновесие сил. Наиболее агрессивно настроенные вожди были так обеспокоены неожиданным поворотом событий, что решили пойти войной на остров, где жил Эт, чтобы воспрепятствовать свадьбе и, стало быть, объединению.

Тревожные звуки боевых барабанов известили о приближающейся беде, и мужчины племен аэта и агта заторопились на войну. Прощание влюбленных было коротким и очень трогательным. Они стояли на двух берегах, в том месте, где острова были совсем близко друг к другу. К тому времени Ита успела выучить только два слова на родном языке Эта, которые было принято говорить перед разлукой. Их перевод звучал примерно так – клянусь тебе. И девушка крикнула:
– Сампа гита!

Влюбленных разделял небольшой пролив да две полоски песчаного пляжа, который белее белой мякоти кокосового ореха. Легкий ветерок донес до Эта два заветных слова в ви-

де слитых воедино звуков. Юноша понял их и ответил тем же. Он махнул Ите на прощание и поспешил к товарищам. Больше она его никогда не видела.

Война это самое большое зло на земле. Эт погиб. Ита не смогла пережить ужасное известие и умерла от тоски на том самом месте, где в последний раз видела возлюбленного. Там ее и похоронили. Вскоре весь берег у могилы девушки зарос кустами белых цветов, что белее белого песка на пляжах и белой мякоти кокосового ореха. В память о влюбленных цветы так и называли. Сампагита.

С тех пор прошло много лет. Менялись эпохи и правители, но легенда о трогательной любви осталась в сердцах островитян навсегда, а чистые белые цветы теперь растут на всех семи тысячах ста семи островах. Они стали символом чистоты и верности, а недавно признаны поэтическим символом страны. Несмотря на возраст, островитяне надевают на шею своим избранникам пышные гирлянды белых цветов, что белее белого песка на пляжах и белой мякоти кокосового ореха, и тихо повторяют одно слово. Сампагита. И это звучит, как заклинание. Кто знает, вдруг эта встреча окажется последней, и они не успеют сказать самое важное. Гирлянды стали традицией, их дарят даже приезжающим. Любой, услышавший эту трогательную историю, навсегда связывает ее со всем архипелагом, называя его не иначе, как острова сампагита.

Хилер

Мне было за сорок, когда в составе команды молодых ребят я поехал на чемпионат Евразии по карате. И не в качестве тренера, а как боец. Возможно, в иное время такой поступок считался бы рискованным, но в начале 90-х неожиданная вседозволенность дала возможность проявиться не только в бизнесе, но и в спорте. Кто-то бескорыстно помогал своей команде, а кто-то вкладывал серьезные деньги в новые клубы и новые имена, рассчитывая на будущую отдачу. Тогда мое студенческое увлечение карате переросло в профессию – я 20 лет не снимал кимоно, был президентом клуба и с командой мальчишек часто ездил на семинары и соревнования во Францию. Возможность самому участвовать в крупном чемпионате была просто мечтой. Да и не я один был такой.

Фанаты откликнулись со всех уголков страны. На открытии чемпионата стал ясен его масштаб. Десяток лиц, знакомых по предыдущим соревнованиям, растворился среди нескольких сотен участников. Огромный стартовый взнос никого не остановил. Впрочем, и объявленные организаторами чемпионата непривычно большие денежные призы тоже не были целью. Каждый хотел доказать себе, что он первый. И это сразу стало заметно уже в отборочных поединках. Несмотря на заявленный бесконтактный уровень соревнова-

ний по правилам международной организации WUKO, судейская бригада заняла лояльную позицию при оценке жестких ударов в голову и спину. Полилась кровь, а бойцов после тяжелых нокаутов просто выносили с татами.

Мы жили в эпоху перемен. Ассоциации различных видов единоборств еще не обрели популярность, и все стремились занять главенствующую позицию в единой федерации каратэ страны. Со сменой лидера менялись правила проведения поединков – каждый стремился протащить своих бойцов, используя особенности судейства. Все эти «подковерные» интриги мне были хорошо знакомы, поскольку сам часто принимал участие в судейских бригадах соревнований, как аттестованный судья по карате всероссийской категории. Впрочем, тогда протесты и разбирательства ни к чему не приводили – организаторы чемпионата Евразии по карате ссылались на положительный европейский опыт новых поправок в правилах. Молодые ребята, приехавшие из дальних уголков на первый в своей жизни солидный чемпионат, готовы были жертвовать всем ради громкого титула.

В полуфинале у меня была встреча с очень жестким парнем, который агрессивностью старался компенсировать недостаток техники. Я поймал его, когда он «провалился» на атаке, но в падении он достал меня ударом в позвоночник. В горячке поединка я еще как-то выстоял, проиграв по очкам, но утром не смог встать с кровати. Начался новый период жизни, резко и без предупреждений. Правая нога не слу-

шалась, любое движение вызывало боль. Спать мог только урывками – стоило расслабившись во сне пошевелиться, как тут же просыпался от боли. Помимо физических проблем, мне пришлось расстаться со многим, что было дорого. Оказалось, что весь жизненный уклад был подчинен карате, но теперь это стало невозможным.

Я не был профессионалом карате в строгом смысле этого слова, поскольку основные деньги зарабатывал сисадмином в банке. Однако были ежедневные тренировки и утренние 10-километровые пробежки, работа в нескольких минутах ходьбы от дома, на первом этаже которого были два спортзала собственного клуба, где я, по сути, и жил. Каждый день, в 18:10, я менял банковскую униформу на кимоно, и начиналась моя вторая, главная, жизнь. Сначала вел тренировку у малышей, потом сам занимался со взрослыми. Дважды в неделю проводил третье занятие с оружием. После такой нагрузки долго не мог заснуть, пытаюсь переводить книги по карате с английского и французского, пробовал осваивать японский, просматривал километры видеозаписей соревнований и учебных материалов. Еще подготовка к судейству, соревнованиям, зачетам, экзаменам, семинарам, поездкам во Францию и приему ответных визитов. Учеба на заочном в Международной Академии Боевых Искусств, куда дважды в год ездил на сессии.

Пишу об этом так подробно, чтобы было понятно, как в один миг эта жизнь стала недоступной. Конечно, я мог бы

остаться просто тренером и участвовать в судействе, сидеть на тренировках и покрикивать на учеников... Нет, это было не для меня. Тогда я учился ходить, держась за стенку, выпил мешок таблеток, выписанных десятками врачей, не соглашался на операцию, на что-то надеясь. И однажды судьба столкнула меня с фирмой, которая посылала страждущих к филиппинскому хилеру, творящему чудеса. Раньше мне доводилось читать о тех, кто без хирургических инструментов проводит операции, причем успешные, но испытать это на себе... Впрочем, к тому времени я уже готов был на любые эксперименты. И, собрав с помощью друзей необходимую сумму, я через пару недель вылетел из Шереметьево на встречу неизвестности.

Перелет до Манилы был долгим, и уже в самолете мы познакомились со всем составом нашей группы. Десять соотечественников решились на отчаянный шаг по разным причинам: двое «реальных братков», Федя и Серега, чьи буйные головы были пробиты разными предметами, но с одинаковыми последствиями; супружеская пара с пацаном лет семи, у которого с детства была проблема с шеей; еще одна супружеская пара, которая никак не могла родить наследника; две подруги бальзаковского возраста с женскими проблемами и бывший спортсмен в моем лице.

Случилось так, что моя соседка по самолету, переводчица Наташа, так хотевшая родить дочку, к тому моменту уже много прочитала об этих кудесниках и, найдя в моем лице

благодарного слушателя, всю дорогу с восторгом рассказывала о хилерах. Оказывается, только на Филиппинах есть четыре благих места, где они могут творить свои чудеса. Объясняется это какими-то энергетическими воронками, которые сфокусированы в четырех горных деревеньках. Ведь все семь тысяч филиппинских островов раскинуты вдоль самой глубокой впадины Тихого океана. Внизу проходит стык тектонических плит, и вся страна просто живет на вулканах. Именно там, сквозь разломы в земной коре хлещут энергетические потоки небывалой силы, и только избранные умеют ею пользоваться. Их называют хилерами, от английского – исцелять. Причем – настоящие целители могут проводить свои операции только в тех четырех особых местах. Остальные «хилеры», гастролирующие по всему свету, попросту шарлатаны, даже если они и учились у филиппинских монахов.

Тогда рассказ Наташи был для меня не просто познавательным, он стал той ниточкой, за которую ухватился отчаявшийся от неудач в лечении неожиданной беды человек, уставший блуждать по темному лабиринту, на каждом повороте которого у него просто вытягивали деньги из карманов. К октябрю 1995 года я прошел столько «специалистов именно моей болезни», что с первого взгляда мог определять сумму, которую с меня запросят за услуги. В остальном они ничем не отличались. Я даже мог поддерживать научную беседу с использованием медицинской терминологии, но резуль-

тат был всегда один. Вернее – его отсутствие.

Вот почему длинный рассказ Наташи во время многочасового перелета тем октябрьским днем стал для меня Рубиконом. Я слушал восторженный голос своей соседки и представлял того, кто может вернуть меня к нормальной жизни. Под гул турбин за бортом я прошел с еще неизвестным мне хилером долгую дорогу от пацана в одной из миллионов многодетных семей до целителя.

Путь целителя начинается с того, что по всем островам архипелага монахи ищут по известным только им критериям необычных детей и берут их на воспитание. Высоко в горах есть монастырь, где их обучают до совершеннолетия. Причем отсеб достаточно большой: далеко не все выдерживают суровые условия или оправдывают надежды учителей. Таких возвращают к обычной жизни. Оставшиеся должны пройти суровый экзамен – 30-дневную «сухую» голодовку. Только тогда в человеке происходят какие-то изменения, и он становится хилером. Без пищи и воды послушник должен провести 30 дней в пещере за молитвами. В любой момент он может уйти или попросить помощи, но лишь выдержавший испытание затем проходит посвящение в хилеры. У него открывается способность видеть человека насквозь, со всеми недугами. Находясь только в одном из четырех уникальных мест, он способен концентрировать таинственную энергию для излечения болезней.

Мне, получившему атеистическое воспитание и прора-

ботавшему 15 лет научным сотрудником в международном центре ядерных исследований, это казалось чем-то запретельным. Однако сильное желание вернуться к нормальной жизни преодолевало все сомнения. И вот десять страждущих из далекой России входят во двор двухэтажного дома небольшого поселка, расположенного в том самом месте Филиппин. Настороженно озираясь по сторонам, рассаживаемся в плетеные кресла, стоящие в тени деревьев. Утреннее солнце по местным понятиям еще не припекает, но я жадно припадаю к стакану прохладного сока, поднесенного коренастой островитянкой. Через переводчика нам объясняют, что доктор Руди нас ждет и скоро примет. Хотя на островах государственным языком считается пилипино (так на Филиппинах называют тагальский), многие бегло говорят на английском. Я уже успел заметить, что к человеку с белой кожей отношение у местных очень уважительное, и они прощают все мои ошибки в английском и охотно отвечают на вопросы.

Осмотревшись, отмечаю, что дом хилера в деревушке один имеет два этажа. Остальные представляют собой какие-то хлипкие постройки с соломенной крышей, в окнах нет стекол, а из мебели в комнатках видны скатанные циновки в уголке и непременно телевизор на маленьком столике. Заметив мое любопытство, островитянка показывает на большой черный плакат у входа в дом хилера, где, как на школьной доске, мелом начертано расписание, и объясняет, что всю эту неделю Руди будет работать с нами. Список

длинный. Наверное, в качестве рекламы рядом с фамилиями пациентов указаны страны. За Россией вижу США, Англию, Японию.

А вот и сам доктор Руди – энергичный, среднего роста, в цветастой рубашке с короткими рукавами. Он здоровается со всеми за руку, улыбается белозубой открытой улыбкой. Отмечаю сильную ладонь с короткими пальцами. Лицо умное, приятное, движения быстрые и точные. Выглядит лет на 30—35, хотя очки придают лицу солидность. Я уже заметил, что филиппинцы не носят очки вообще, даже солнцезащитные. Из разговора выясняется, что Руди уже 52 года, и в доме живет его семья – жена, пятеро детей, двое старших сыновей женаты, и уже есть внуки. Все помогают хилеру и работают по дому. Нас приглашают пройти в кабинет и, отодвинув белые простыни, отгораживающие часть двора, пропускают вперед. Я смотрю на соотечественников, приехавших сюда по разным причинам и из самых разных мест, но движимых единым желанием. Все как-то разом притихли и насторожились. Возможно, у многих этот шаг связан с последней надеждой.

Кабинет чем-то похож на маленький зрительный зал: десятка три стульев рядами стоят перед массивным деревянным столом, за которым в уголке какие-то иконы и картины, обрамленные странными символами, горят свечи и ощущается запах ароматизированных масел. На листе ватмана фраза по-английски, которую можно перевести как «я только ин-

струмент в руках Божьих». Со всех сторон пространство огорожено белыми простынями, на которых покачивается тень деревьев. Тишина и прохлада успокаивают. Нас рассаживают на стулья и проводят инструктаж: сидеть тихо, слушаться Руди, можно выходить во двор, можно снимать на фото и видео, но нельзя пересекать белую линию – и показывают на черту, отделяющую стулья от стола. Очевидно, на нем все и будет происходить. Откуда-то выскакивает курица и важно прохаживается под столом. Ее быстро выгоняют, и тишина восстанавливается. Я вспоминаю своих родителей-медиков: видели бы они эту «операционную». Наверное, я – неисправимый скептик.

Жестом Руди предлагает встать и помолиться. Краем глаза смотрю на своих спутников – сосредоточенные лица с закрытыми глазами и едва уловимые движения губ. Даже «братки» притихли. Вдруг ощущаю в себе странный порыв – складываю руки на груди и шепчу:

– Помоги мне, Господи.

Не знаю, сколько это продолжается. Нет ни огромных, подавляющих своим величием соборов, ни грандиозного органа, ни религиозной атрибутики, ни толпы, окружающей со всех сторон, но я впадаю в какой-то транс и все громче повторяю свой призыв к Создателю... Наконец сажусь вместе со всеми, не решаясь смотреть по сторонам, руки дрожат на коленях, а глаза «мокрые».

Руди стоит перед нами, молча вглядываясь в лица. Потом

подходит к Наташе и протягивает руку. Театральным жестом подводит ее к столу. Она поднимается на приступочек и садится на стол лицом к нам. Руди стоит позади нее, он кладет ей ладонь на затылок и тихо говорит по-английски:

– Она вылечится быстрее всех, потому что верит сильнее вас.

Он укладывает Наташу на стол перед собой, пододвинув под голову какой-то деревянный брусок. Затаив дыхание, мы следим за его руками. Хилер потирает ладони и резким движением рассекает указательным пальцем пространство над Наташей. От головы до ног. Позже я узнаю, что так он вскрывает ауру пациента. Затем открытыми ладонями пробегает над всем телом, почти нигде не останавливаясь. Берет лист белой бумаги и подносит к голове своей первой пациентки. Такое впечатление, что он через него рассматривает что-то, поворачивая лист и наклоняясь. Наталья не выдерживает и начинает на английском объяснять ему свою проблему. Руди жестом останавливает ее и, подняв голову, обращается ко всем – не нужно ничего говорить, он сам все увидит и поймет. Продолжая вести лист бумаги над Наташей, он то и дело останавливается и что-то говорит своей жене. Та стоит справа у икон с блокнотом и карандашом. Не поднимая головы, записывает. Закончив процедуру, Руди обращается к переводчику. Он в сжатой форме объясняет нам всю Наташину жизнь и болезни, та все время утвердительно кивает головой.

Оборачиваюсь к супругу пациентки. Он весь подался впе-

ред и, кажется, готов кинуться спасти Наташу. Высокий худощавый мужчина в годах. Руки опущены, но ладони с длинными вздрагивающими пальцами непроизвольно тянутся к жене. Он явно встревожен. Кадык судорожно дергается под выбритой кожей, словно мужику трудно дышать. На лице застыло испуганное выражение, будто супругу, как на цирковых представлениях, прямо сейчас будут распиливать циркулярной пилой. Позже Наташа ласково называла супруга Васенькой и нежно гладила по щеке. В тот момент ему явно этого не хватало. Очевидно, их связывает очень сильное чувство. Когда видишь такое со стороны, невольно начинаешь сопереживать. Наверное он долго не решался ехать в какую-то Тмутаракань, чтобы отдать любимую женщину на какие-то там опыты. Это написано у Васеньки на лице, а в глазах столько тоски и любви, что у меня заскребло на душе. Вспоминаю наш разговор с Наташей в самолете, вернее – ее вкрадчивый голос. Сразу представляю, как она уговаривала мужа, который, судя по всему, долго занимал какие-то руководящие посты на службе, но дома покорялся этой тихой ласковой женщине. Очевидно, они давно хотят иметь своего ребенка и пройдут все испытания, чтобы он, наконец, родился.

Проследив направление взгляда Васеньки, наталкиваюсь на безмятежное лицо Наташи. Она улыбается, пытаюсь успокоить супруга. Не могу понять, откуда хилер знает обычно скрываемые женщиной подробности своих болезней. Воз-

можно, действительно, что-то увидел сквозь лист простой бумаги, а, может, сопровождающий нас переводчик подсказал, чтобы утвердить нас в том, что немалые деньги потрачены не зря. Так или иначе, на всех страждущих это произвело впечатление. Кто-то, как Наташа, слепо верит хилеру, кто-то, подобно мне, еще сомневается. Однако мы очень хотим излечиться от своих недугов, и любое подтверждение удивительных способностей Руди внушает нам оптимизм.

Спокойно переждав наши восторги, хилер продолжил – сегодня будет чистка всего организма, и для этого нужно снять одежду. Если кто-то не хочет демонстрировать свое тело зрителям, он может попросить их выйти или не фотографировать. Наташа гордо заявляет, что ради святого дела она согласна на все. Мы с ее супругом достаем видеокамеры, а кто-то уже начал щелкать фотоаппаратом. Васенька, как ледокол, бесцеремонно продвигается вперед, расталкивая коленками свободные стулья и усаживается впереди. Я чуть приподнимаюсь, упираясь локтями в спинку стула, чтобы камера не дрожала, и замираю, увидев в окуляр картинку.

Передо мной руки хилера. Они быстро двигаются по всему телу пациентки, иногда останавливаясь и углубляясь в плоть на один-два сантиметра. Неожиданно брызнула кровь. Кто-то из женщин непроизвольно вскрикнул, но мастер даже не посмотрел в нашу сторону. Две его миниатюрные дочери-ассистентки ватными тампонами ловко вытирают струйки крови, скатывающиеся от невидимых нам ран на теле На-

таши. Думаю, что она ненамного младше меня и не спортсменка. Тело соотечественницы довольно рыхлое, да и лежит она на высоком столе, так что деталей «операции», происходящей у нас на глазах, никому не видно. Используя возможности своей видеокамеры, максимально приближаю изображение.

Сильные пальцы Руди наполовину в теле Наташи. Он то и дело толчками выдавливает из тела пациентки какие-то кровавые сгустки и бросает их в чашу, стоящую рядом на столе. Ассистентка, словно в кадрах кинохроники из операционной, смахивает салфеткой бусинки выступившего пота на лбу целителя. Он быстро споласкивает руки в чаше с водой, поданной второй ассистенткой, и продолжает движение пальцев по телу пациентки. Когда его ладони продвинулись к животу и почти наполовину погрузились в него, Наташа застонала.

Васенька, снимавший на видео с первого ряда, вскочил. Его высокая фигура загораживает мне весь стол. Невольно отклоняясь в сторону, чтобы не потерять интересный кадр. Далее происходит нечто странное. Васенька так испугался за супругу, что не заметил, как заступил за белую линию на земле, отделявшую зрителей от стола. И тут же незримая волна, словно от мощного взрыва, толкает и его, и меня в грудь, отбрасывая назад. В полете краем глаза вижу, как простыни взметнулись вверх огромными белыми пузырями. Ощущаю боль, словно от сильнейшего удара копытом

в грудь. И, перелетая пару рядов стульев, уже в падении, успеваю заметить бледное лицо Наташи, задранные вверх ноги ее супруга и отлетевшего к противоположной стене хилера.

Все происходит в долю секунды, но мои навыки боя в карате позволяют четко запомнить детали, словно в замедленной съемке. При этом не было ни единого звука, только стук опрокинутых стульев и падающих тел. Сидевшие справа от нас ничего не почувствовали, но, ошарашенные всем увиденным, застыли на месте от неожиданности. Откуда-то прибежали дети Руди и кинулись на помощь. Сыновья усадили маэстро в кресло и начали натирать какими-то мазями, а дочери хлопчут около Наташи. Все это сопровождалось заклинаниями и жестами. Соотечественники приводят в чувства виновника катаклизма, а «братки» трясут меня за плечи и навешивают на всякий случай оплеухи, не обращая внимания на мои жесты, которыми я пытаюсь просигнализировать, что не могу вдохнуть. Наконец, один из них усаживает меня на стул и просто вырывает из рук камеру, которой я размахиваю перед ним. Я протестую, как могу, боясь потерять уникальный фрагмент видео. От чего судорожно ловлю раскрытым ртом воздух и хрипло выдыхаю, пытаюсь попросить, чтобы он не нажал что-нибудь.

Когда все успокоились, и мы, как нашкодившие первоклашки, усталились на Руди, он еще раз строго сказал, что за линию могут заходить только члены его семьи. На этом

первый сеанс закончился, т. к. хилер был не в силах продолжать работу. Сопровождавшие нас филиппинцы долго извинялись перед маэстро и, усадив нас в автобус, всю обратную дорогу повторяли правила проведения сеансов у целителя.

Впечатлений было столько, что остаток дня мы только обсуждали случившееся и просматривали видеозаписи. Однако ни у меня, ни у Васеньки записи с того момента, как он заступил за белую линию, не было. То ли мы оба от неожиданности выключили камеры, то ли запись стерта каким-то мощным импульсом. Так или иначе, но на обеих кассетах с одного и того же момента запись обрывалась. До поздней ночи мы сидели на террасе приютившего нас небольшого отеля, слушая шум океана и вспоминая загадочные случаи из жизни, то и дело возвращаясь к «взрыву на белой линии». Вдали от родных мест и знакомых мы как-то быстро подружились, объединенные общей целью. Хуже всех выглядел Наташин муж, он пытался оправдываться, а Наташа прижимала его голову к груди и тихонько гладила. Она давно простила его, хотя была явно расстроена произошедшим инцидентом. Да и мы все были встревожены не на шутку – как бы это не отразилось на ней. Никто не понимал, что же все-таки произошло там, на белой линии. Удивительные русские женщины, они могут жертвовать, прощать и успокаивать, забывая о себе. Это дорогого стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.